

СТАЛИН КАК СТРАТЕГ (между двумя войнами)

В ретроспективе становится очевидным, что ни одно политическое движение или режим не оказались столь подготовленным к «веку тотальной войны» и не внесли столь важного вклада в придание ему такого характера как большевизм, воплощенный в деятельности Сталина.

Основы учения

Сталин глубоко проник в дух ленинского учения, выдвинув на первый план его «исключительно боевой характер». Ленин открыто определил цель политики как уничтожение врага и тем самым отождествил политику с войной, ибо, объяснил Сталин, «ленинизм вырос и оформился» в условиях назревания социальной и мировой войны, в «период прямого штурма капитализма». Интегрировав формулу Клаузевица в свое учение, Ленин не оставил сомнений в том, что ее следовало понимать совершенно обратным образом – не как узду, налагаемую на вооруженное насилие политическим разумом и стремлением к общему благу, а как наилучшее выражение лицемерно маскируемой природы самой политики¹. Позже Сталин удостоверил, что «Ленин хвалил Клаузевица прежде всего» за согласие с «известным марксистским положением о том, что между войной и политикой существует прямая связь»². «Диктатура пролетариата, -- цитировал Сталин учителя, -- есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага»; в такой неравной войне невозможно ограничиваться обычными жестокостями международных конфликтов. Для Ленина и его лучших учеников было очевидным, что правила вооруженной борьбы составляют вовсе не специфическое ответвление государственной деятельности, а всего лишь проекцию общих принципов современной политики.

Первейшей заботой Сталина после смерти Ленина явилось упорядочение его политического наследия, избавление ленинизма от временного, преходящего, случайного и формулирование стратегии и тактики, ибо в этом и состоит «наука о руководстве»³. «Стратегия, -- определял Сталин, -- есть определение направление главного удара... на основе данного этапа революции, выработка соответствующего плана расположения революционных сил (главных и второстепенных резервов), борьба за проведение этого плана на всем протяжении данного этапа». По своей структуре, сталинское определение напоминает современную трактовку военной стратегии как гармоничного сочетания и связи целей (задач), способов их достижения (планирования) и средств (инструментария)⁴. Тем примечательнее различия между ними.

Первое из них вызвано тем, что сталинская формула характеризовала стратегию «пролетарской революции». Этот термин, однако, вбирал у Сталина всю внутреннюю и внешнюю политику. «Раньше рассматривали пролетарскую революцию как результат исключительно внутреннего развития страны. Теперь эта точка зрения уже недостаточна, -- объяснил Сталин. – Теперь надо рассматривать пролетарскую революцию прежде всего... как результат разрыва цепи мирового империалистического фронта...». Переход от свержения царизма к захвату власти большевиками произошел потому, что царская Россия

¹ Это наблюдение не ново. См., в частности: А. Безансон. Интеллектуальные истоки ленинизма. М., 1998. С. 219-220; J.W. Kipp. Lenin and Clausewitz: The Militarization of Marxism, 1914-1921 // Military Affairs. Vol. 49. Issue 4 (Oct. 1985). P. 186.

² И. Сталин. Ответ товарищу Разину. 23 февраля 1947 г.

³ Здесь и далее: И. Сталин. Об основах ленинизма (май 1924 г.).

⁴ На это определение (А. Лукке Jr., 1991) указал мне Б.В. Меннинг (Командно-штабной колледж армии США).

была средоточием гнета, «взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме», «величайшим резервом западного империализма», «сторожевым псом империализма на востоке Европе», «агентурой западного империализма», «вернейшим союзником западного империализма». Борьба с местным «военно-феодальным империализмом» «должна была перерасти» в борьбу с международным империализмом. Это и сделало революцию в России пролетарской ибо, по Сталину, пролетарская революция есть «революция против империализма» -- парафраз войны «нации-пролетарки» за «место под солнцем»⁵. Даже при характеристике противоречия между трудом и капиталом Сталин рисует сходную картину бескомпромиссной борьбы за выживание и господство: «Либо отдайся на милость капиталу, прозябая по-старому и опускайся вниз, либо берись за новое оружие – так ставит вопрос империализм перед миллионными массами пролетариата».

В сталинской картине бесчеловечного мира и порожденной им «пролетарской революции» нет места ни «свободе», ни «освобождению» -- их полностью вытесняют образы ковки нового оружия, поднятия знамени, взрывов, «прямого штурма», битвы, неотвратимых войн, коалиции, ведущей к объединению фронтов. «Пролетарская революция» становится у Сталина обозначением тотальной войны, долгой и решительной, охватывающей все стороны жизни общества, не знающей ограничений, ведущейся на всех мыслимых фронтах и в мировом масштабе.

Такой интегративный подход объясняет беззаботность Сталина относительно того, как достигнуть гармоничного сочетания политического и военного аспектов стратегии, как военная стратегия усваивает и модифицирует политическую цель, насколько стратегия войны самостоятельна в ее интерпретации -- вопросы, подразумеваемые современным понятием стратегии и едва ли не главные для советских военных мыслителей 1920-х гг. (от Фрунзе и Тухачевского до Незнамова, Свечина и Шапошникова). Ответ прост: «политический вождь» и «боевой штаб» у Сталина полностью совпадают.

Третья особенность сталинской трактовки связана с отождествлением «сил» с «резервами». Такой подход резко отличался от стратегического пафоса Ленина, на смертном одре одобрительно ссылавшегося на наполеоновский волюнтаризм -- «On s'engage et puis... on voit» (Ленин будто и знать не хотел, что результатом применения такой стратегии был конец империи и реставрация). Сталин, вероятно, считал столь несерьезное отношение к делу исторически неизбежным на первой стадии войны против старого мира: «русский революционный размах... дает перспективу» и «без него невозможно движение вперед». Однако «русский размах имеет все шансы выродиться на практике в пустую... маниловщину» [...] Примеров такого вырождения -- хоть отбавляй».

Консолидация завоеванного и продолжение войны требовали иного стратегического стиля, для обозначения которого Сталин поначалу избрал неизвестно откуда почерпнутое представление об «американской деловитости»: «Американская деловитость – вот та неукротимая сила, которая не знает и признает преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело...». Предложенная Сталиным общая характеристика, несомненно, отражала его понимание опыта войны на южном и западном направлениях в 1919-1920 гг. и по своему основному вектору предвосхищала концепцию «глубокой операции» – тщательного эшелонирования сил для последовательного поражения противника на всей глубине расположения.

Преимущества неумолимой эффективности глубокой операции перед традиционным поиском открытого фланга, американской настойчивости перед русской размахистостью и импровизацией обращали стратегическое мышление к широко понимаемым «резервам». Они, учил Сталин, бывают прямые и косвенные. К «прямым резервам» относятся собственные силы». Свою особую заслугу Сталин видел в понимании «резервов второго рода, значение которых не всегда ясно», -- «косвенных резервов». К ним он относил все, что ослабляет противника – «противоречия, конфликты и войны» во враждебном лагере.

⁵ Первое выражение принадлежит Муссолини (1920), второе – Вильгельму II (1899).

Основной «задачей стратегического руководства» становилось «правильное использование резервов» для «достижения основной цели революции на данном этапе ее развития». К исходу 1924 года основную цель данного этапа Сталин окончательно определил как закрепление «самостоятельного прорыва фронта капитала» и его развитие до «полной победы социализма» в России, превращение «этой страны в базу дальнейшего развертывания»⁶. В качестве уступки ленинской размахистости Сталин допускал, что придется выступить «в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»⁷, но главный удар предстояло нанести внутри страны. В случае нападения внешнего противника (о чем Сталин тогда не слишком задумывался) «эта страна» представляла собой исключительно удобный театр военных действий. Еще в 1920 г. Сталин отметил условия, которые «обеспечивают и могут и впредь обеспечить существование и успехи Советской России» -- необъятность территории, позволяющей долго продержаться, отступая в глубь, чтобы, собравшись с силами, вновь перейти в наступление», наличие собственной топливной и сырьевой базы⁸. Это позволило рассудить, какую (скромную) роль должны занять чисто военные приготовления в общей подготовке базы для внешнего развертывания «войны за свержение международной буржуазии» и в чем они должны состоять.

Под знаменем мира: удар правым флангом по правому флангу, поворот фронта влево и общее наступление(1925-1930)

Совмещение политического и военного дискурса в руководящем советском мышлении порождало соблазн поставить на первое место военные интересы и подчинить им политическую стратегию. Устранение Троцкого с поста наркомата по военным и морским делам сопровождалось возвышением Фрунзе. Он неизменно исходил из перспективы близкой войны СССР с «буржуазным миром» («нашим врагом является весь мир»), «которая может и вероятно будет длиться в течение очень больших промежутков времени». Учитывая такой масштаб и не сомневаясь в своей способности дать «точную, правильную, определенную оценку характера этого будущего столкновения», Наркомвоенмор предлагал на основе этой оценки поставить задачи подготовки армии и тыла, «выработать программы наших требований к этому тылу, дать направление, по которому должна развиваться наша хозяйственная деятельность». Новый Штаб РККА «должен стать не только мозгом Красной армии, он должен стать военным мозгом для всего нашего государства»⁹. Не такова была закаленная в боях стратегия большевистской политики, чтобы уступить большевистствующей военной стратегии.

Деятельность на посту руководителя военного ведомства Фрунзе начал с призыва к Пленуму ЦК в январе 1925 г. поднять расходы на Красную армию. «...Мы должны пойти навстречу, решительно и бесповоротно, требованиям военного ведомства» -- согласился Сталин (речь шла об увеличении военного бюджета на 1,25%)¹⁰. Он заверил, что «вопрос о нашей армии, о ее мощи, о ее готовности обязательно встанет перед нами при осложнениях в

⁶ И. Сталин. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов (17 декабря 1924 г.).

⁷ Там же (слова Ленина).

⁸ И. Сталин. О политическом положении республики: Доклад на краевом совещании коммунистических организаций Дона и Кавказа 27 октября 1920 г.

⁹ М. Фрунзе. Собр. соч. Т. 2. М., 1926. С. 32; Т. 3. М., 1927. С. 111-113; Он же. Неизвестное и забытое: публицистика, мемуары, документы, письма. М., 1991. С. 176.

¹⁰ При изложении фактических обстоятельств здесь и далее использованы материалы следующих работ: D.R. Stone. Hammer and Rifle: The Militarization of the Soviet Union. 1926-1933. Lawrence (KS), 2000; J.J. Schneider. The Structure of Strategic Revolution: Total War and the Roots of the Soviet Warfare State. Novato (Ca.), 1994; R. W. Davies. Soviet Economy in Turmoil, 1929-1930. Houndsmills; etc, 1989; S. W. Stoecker. Forging Stalin's Army: Mikhail Tukhachevsky and the Politics of Military Innovation. Boulder (CO), 1998 и др.; а также некоторые мои работы: «Работа по истории» и стратегия авторитаризма, 1935-1937 гг. // Личность и власть в истории России. Материалы научной конференции. С.-Петербург, 1997; Между Цезарем и Чингиз-ханом: «Наполеон» Е.В. Тарле как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х годов // Клио. 1998. №. 3; Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920 -- середина 1930-х гг. СПб., 2002.

окружающих нас странах, как вопрос животрепещущий», но предостерег против намерений затеять «активное выступление против кого-нибудь», даже «при осложнениях в окружающих нас странах». «Это неверно, -- объяснил Сталин. Наше знамя остается знаменем **мира**. Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, -- нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирию на чашку весов, **гирию**, которая могла бы перевесить»¹¹. Сталинские смелость и хладнокровие граничили с «недооценкой военной опасности». Военной стратегии следовало потесниться, чтобы не мешать «направлению главного удара» -- «подготовки к наступлению социализма на всем фронте»; уход из жизни Фрунзе оказался настолько своевременным, что вызвал подозрения.

«На данном этапе» важнейшим делом стало рекрутирование союзников для борьбы с «неверием в дело превращения России нэповской в Россию социалистическую». Смотр сил показал, наряду с западным пролетариатом, народами колоний, «есть у нас третий союзник, неуловимый, безличный, но в высшей степени важный.. -- те конфликты и противоречия между капиталистическими странами, который лица не имеют, но безусловно являются величайшей поддержкой нашей власти и нашей революции». «Борьба, конфликты и войны между нашими врагами» были, таким образом, повышены в статусе, превратившись из одного из «косвенных резервов» в «нашего величайшего союзника»¹² (Будучи спроецированы на область военного строительства и оборонных приготовлений, эти установки соответствовали позиции Троцкого и противоречили усилиям Фрунзе. Так, говоря о сговоре «империалистических хищников» для похода против СССР, Сталин не вспомнил о Красной Армии, но пообещал в ответ «взнуздать революционного льва во всех странах мира»¹³).

Еще важнее был внутренний тыл. «Курс на террор, взятый агентами Лондона, меняет обстановку в корне. Это есть открытая подготовка войны. В связи с этим центральная задача состоит в очищении и укреплении тыла, ибо без крепкого тыла невозможно организовать оборону, ... чтобы укрепить тыл, надо обуздать оппозицию теперь же, немедленно», – объяснил Сталин соратникам необходимость исключения из ЦК Троцкого и Зиновьева в июне 1927 г.¹⁴. Оппозицией дело не ограничивалось.

Со времен Царицына Сталин акцентировал стратегическую важность и взаимосвязь продовольственного снабжения и социально-политической устойчивости тыла. «Тыл для фронта – первое дело, ибо он, и только он, питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми – бойцами и настроениями. Неустойчивый, а еще больше враждебный тыл обязательно превращает в неустойчивую и рыхлую массу самую лучшую, самую сплоченную армию»¹⁵. Укрепление тыла Сталин понимал прежде всего как установление жесткого контроля над деревней, преодоления стихийности социальной жизни. Для него Россия начала 1919 г. являлась «**единственной** страной, где общественно-хозяйственная жизнь протекала «нормально», без забастовок и враждебных правительству демонстраций», а Совнарком был «**самым прочным**» среди всех европейских правительств¹⁶. Обеспечение «нормальности» и «прочности» на случай войны поэтому означало заблаговременное и расширенное воспроизведение «военного коммунизма».

Развитие наступления в 1928-1929 гг. потребовало удара против правого фланга, и здесь Сталин проявил тактический талант. (Под тактикой тогда нередко понималась «высшая

¹¹ И. Сталин. Речь на Пленуме ЦК РКП(б) 19 января 1925 г. Это пророчество обнародовано после второй мировой войны, но не является позднейшей выдумкой (см.: РГА СПИ. Ф.17. Оп. 2. Д. 165. С. 54).

¹² И. Сталин. К вопросу о пролетариате и крестьянстве: Речь на XIII губернской московской организации РКП(б) 27 января 1925 г.

¹³ И. Сталин. К итогам работ XIV конференции РКП(б): Доклад активу московской организации РКП(б) 9 мая 1925 г.

¹⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. / Под ред. В. Данилова и др. Т. 1. М., 1999. С. 25.

¹⁵ И. Сталин. Новый поход Антанты на Россию (25-26 мая 1920 г.).

¹⁶ Он же. Два лагеря (22 февраля 1919 г.).

тактика», которую с конца 20-х гг. военная наука стала именовать «оперативным искусством»; сам Сталин характеризовал «тактическое руководство» как «часть стратегического руководства»¹⁷.) Искусство Сталина состояло в использовании собственного правого («калининско-ворошиловского») фланга. и бесспорном указании на необходимость «известного минимума резервов», чтобы «отстоять позиции Советской власти по линии внутренней, так же как и по линии внешней». Летом 1928 г. Сталин напомнил, что «мы не гарантированы от военного нападения». «Как же вы думаете, товарищи, — спрашивал он Пленум ЦК, — можно ли в случае войны вести борьбу с поляками на фронте и одновременно драться с мужиком в тылу. Тов. Рыков был совершенно прав, что мужик уже не тот, и если война начнется, мы сразу не сможем нажать на него -- давай хлеб. Он будет артачиться, и середняк, и бедняк, а особенно кулак [...] Враги поднимут больше голову, будут апеллировать к армии, к бедноте, к середнякам и к известным слоям отсталых рабочих. Будут апеллировать – это определено. ... Нам нужно иметь запас, в случае войны, миллионов 50-60 [пудов], чтобы первые 6 месяцев, или может быть больше, в случае войны, пока эта молва разойдется по стране, пока страна увидит из-за чего началась война, что на нас напали, что мы были правы, а не они, пока вся эта волна уляжется у нас..., потому что повторяю, что мы не сможем воевать и с поляками на фронте, и с мужиком в тылу»¹⁸.

Несколько месяцев спустя Сталин пояснил «боевому штабу» общий стратегический замысел. Необходимо «догнать и перегнать» капиталистические страны «в технико-экономическом отношении» — «Либо мы этого добьемся, либо нас затрут». «Это верно не только с точки зрения построения социализма, — доказывал Сталин. — Это верно также в точки зрения отстаивания независимости нашей страны в обстановке капиталистического окружения. Невозможно отстоять независимость нашей страны, не имея достаточной промышленной базы для обороны. Невозможно создать такую промышленность, не обладая высшей техникой в промышленности. Вот для чего нужен нам и вот что диктует нам быстрый темп развития индустрии». Сталин включил в число стратегических предтеч большевизма Петра I, которого он признал Великим, а его беспрецедентную захватническую активность изобразил как оборонительные усилия. «Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости. [...] А сделать это можем только мы, большевики, и никто больше»¹⁹.

Выдерживая взятую линию Сталина стойко противился прямому проецированию этого опыта на практику советских оборонных приготовлений, памятуя, что в ходе левого маневра удар по правым наносится справа, под флагом и поддержке хозяйственного равновесия, недопущения чрезвычайщины и эксцессов. Несмотря на угрозы Ворошилова «просить Политбюро освободить» его «от ответственности за подготовку Армии»²⁰, ассигнования военному ведомству на 1928-1929 год были увеличены незначительно. Сталин поддержал сокращение капитальных вложений «в графе городского строительства и военведа (с точки зрения войны хлеб имеет большее значение)»²¹. Преемник Фрунзе на посту начальника Штаба РККА экстремист Тухачевский весной 1928 г. был заменен умеренным Шапошниковым.

Удар по правому флангу своим правым флангом наметил разворот фронта влево.

¹⁷ И. Сталин. Об основах ленинизма (май 1924 г.).

¹⁸ Стенограмма выступления Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. (Первоначальная запись) (Как ломали нэп: Стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. В 5-ти томах / Отв. ред. В.П. Данилов и др. Т. 2. М., 2000. С. 634-635).

¹⁹ И. Сталин. Об индустриализации страны и правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г.

²⁰ Письмо Ворошилова Орджоникидзе 9. ноября 1928 г. (Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. М., 1999. С. 57-58).

²¹ Проект резолюции Пленума ЦК ВКП(б) по докладу о контрольных цифрах на 1928/1929 г. (Как ломали нэп: Т. 3. М., 2000. С. 601 (автограф Бухарина)).

Создались условия для «великого перелома» и перехода «в решительное наступление по всему фронту во второй половине 1929 г.»²². Пришло время ввести в бой левый фланг – поднять рабоче-бедняцкий актив на проведение массовой середняцко-кулацкой операции 1930-1931 гг., сопровождаемой боями на польском, философском, чеченском, ингерманландском и иных участках. «Наконец, партия перестроила свои собственные ряды, перевооружила печать, организовала борьбу на два фронта, разгромила остатки троцкизма, разбила наголову правых уклонистов... и провела правильное руководство наступлением...»²³.

В рамках общего наступления Сталин обратился к военным резервам и наметил мероприятия по их подтягиванию. Под его руководством в июле 1929 г. Политбюро приняло постановление «Об обороне СССР», предписавшее не только сохранение паритета с соседними государствами по численности мобилизуемой армии, но и обеспечение превосходства над ними в «двух-трех решающих видах вооружения».

В начале 1930 г., ссылаясь на успехи «наступления социализма по всем фронту», Тухачевского предложил пересмотреть этот план и вернуться к «русскому революционному размаху» в военном строительстве – подготовке и вооружению многомиллионной армии десятками тысяч самолетов и танков. Экспертное заключение Штаба РККА позволило Сталину с американской деловитостью указать, что бизнес-план Тухачевский подменил «игрой в цифири». Сталин был огорчен тем, что этот ««план» сбивается на точку зрения «чисто военных людей» и что он возник в голове большевика, «прошедшего школу гражданской войны» (который, значит, должен был бы понимать значение тыла, резервов и т. п.)²⁴. «Необычайно способный товарищ» не унывал и вскоре предложил «коренным образом» реконструировать «почто-транспортное дело» – «упразднить багажные вагоны и целиком перейти на автотранспорт», «между пунктами с дальним расстоянием, например Москва—Ташкент и т.д. сообщение осуществлять только по воздуху», дабы создать основу для технической модернизации армии.

Искушение, начало наступления, хаос и выправление фронта (1930-1938)

В марте 1930 г., почувствовав «опасность искушения», Сталин предупредил Тухачевского, что «марксист», т.е. настоящий стратег, «не должен отрываться от почвы». Сталин всегда тяготел к реалистическому (литератор скажет -- «грубо-вещественному, физиологическому») восприятию корней жизни. «Небо и планеты, воздух... и безвоздушные сферы неизменно примыкали у него к резко отрицательному смысловому ряду»²⁵. Летом 1930 г. военно-воздушные планы Тухачевского увлекли Сталина, положив начало их тесному сотрудничеству. «Необычайно способный товарищ» оперативно изобразил как воздушные бомбардировки и десанты поставят поляков на колени и объяснил, что для следует предпринять. Сталин распорядился, и Тухачевский хвалил его: «Вопрос о гражданской авиации Вы разрешили в масштабе большем, чем я на то даже рассчитывал»²⁶.

Не наступал ли новый этап общей стратегии? Мысль Сталина опережала жизненные обстоятельства. Соппротивление крестьянства, вызвавшее кризис сталинского наступления в начале весны 1930 г. и перемирие, объявленное статьей о «головокружении от успехов», не нарушали направления движения. Сталин наперед знал, что «без некоторых прорывов и заскоков на отдельных участках фронта» не обойтись. Точно так же «не бывало и не может быть успешного наступления без перегруппировки сил в ходе самого наступления, без закрепления захваченных позиций»²⁷.

²² И. Сталин. Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1934 г.

²³ Там же.

²⁴ Письмо Сталина Ворошилову 23 марта 1930 г. (Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. С. 113).

²⁵ М. Вайскопф. Писатель Сталина. М., 2001. С. 189-191.

²⁶ Записка Тухачевского Сталину (копия Ворошилову), 30 декабря 1930 г. (РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 66). Со своей стороны, Тухачевский подчеркивал важность авиации «для борьбы с «саботажниками в сельском и лесном хозяйстве».

²⁷ И. Сталин. Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1934 г.

В июне 1930 г. Сталин объявил, что начатое прежде «наступление по всему фронту... увенчалось успехом во всех областях нашей работы», и «советская власть является теперь самой прочной властью из всех существующих властей в мире». Не дожидаясь донесений об окончательном достижении намеченных планом рубежей, в начале 1931 г. Сталин вернулся к общему стратегическому замыслу: «...Мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость». На этот раз Сталин решительно поставил на первое место «отсталость военную». «Волчий закон капитализма» -- «бить слабых и отсталых», который ранее гарантировал СССР, трех союзников, получил теперь пессимистическую трактовку: «Ты отстал, ты слаб – значит ты неправ, стало быть тебя можно грабить и поработать»²⁸. «Слово большевика – серьезное слово»: оно сопровождалось директивами о полуторном увеличении армии военного времени, развертывании военно-морского строительства и других амбициозных военных проектах. К концу 1933 г. «Красная армия реально, фактически стала первой армией в мире»²⁹.

Создается впечатление, что Сталин уступил искушению и изменил своей стратегической концепции – полагаться на «борьбу, конфликты и войны между нашими врагами», методично укреплять и очищать тыл, догонять и перегонять в «техничко-экономическом отношении», но вступить в войну последним. Это предположение не беспочвенно. Гражданский стратег, воспринимающий политику как силовую борьбу, не может не признать, что отчетливее всего это миропонимание воплощено в милитаризме. Недостаток собственного армейского опыта ощущается ими не только как преимущество (тотальное видение, свободное от профессиональной военной узости), но и как слабость, которая обычно восполняется демонстрацией своих военных познаний и близости к солдату. Наиболее опасной формой психологической компенсации становится забота о материальных фетишах военной мощи – танках, подводных лодках, самолетах (в Т-28 Сталин, например, оказался просто «влюблен»³⁰).

Однако правильнее было бы понять пересмотр сталинских военно-политических установок прежде всего как рациональное изменение общей стратегии. «Она меняется в связи с переходом революции от одного этапа к другому»³¹. Новый этап требовал хозяйской концентрации власти, дисциплинирования партийных олигархов, социального мира и стабильности, национальной идеи. Нужда в надпартийном оправдании насилия сверху и делегитимизации социального протеста выдвигала в повестку дня Наполеона с его превращением перманентного террора в перманентную войну -- пусть лишь имитируемую. Начиная с организации приема в Кремле для военной элиты (1932 г.), Сталин приоткрывал ей смысл происходящего и открывающиеся перспективы. Российский пролетариат – «замухрышки», но Красной армии «завидует теперь весь мир». Призыв «догнать и перегнать» -- «это лозунг смерти бывшей России», и в последние годы «миллионы умирали за этот лозунг в ожесточенной борьбе». «Русские это основная национальность мира», «это талантливейшая нация мира». «Если русские вооружены танками, авиацией, морским флотом – они непобедимы, непобедимы». Скоро «мы заживем весело – бодро»³².

Вскоре Сталин публично «протянул руку армии поверх голов правящей партии»³³. 1 мая 1935 году он покинул Красную площадь немедленно по окончании военного парада. На следующий день Сталин приветствовал бойцов и командиров, заверяя их, что «можно быть большевиком и не являясь членом партии», и «часто... такие бойцы стоят даже выше многих

²⁸ И. Сталин. О задачах хозяйственников: Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.

²⁹ Приказ РВС СССР № 0101 от 1. 12. 1933 (РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 23. Л. 234).

³⁰ Выступление Ворошилова на Пленуме ЦК ВКП(б) 7-12 января 1933 г. (РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 507. Л. 692).

³¹ И. Сталин. Об основах ленинизма (май 1924 г.).

³² Выступление Сталина на приеме в Кремле участников первомайского парада 2 мая 1933 г. (Застольные речи Сталина: Документы и материалы / Вступ. ст., сост. и коммент. В.А. Невежина. М., 2003. С. 44-45).

³³ Выражение Я. Берсона (1936).

членов партии»³⁴. Два дня позже он напомнил военным «академикам» как «целые группы, коллективы, организации нашей партии... угрожали свергнуть нынешнее руководство..., угрожали убить кой-кого из нас» (т.е. Сталина)³⁵. «Кадры решают все», – намекнул Сталин на главную задачу момента. Через несколько дней он отдал распоряжение о переводе армии на кадровую систему, а через несколько месяцев – о введении воинских званий. В 1935 г. мощь армии мирного времени окончательно превзошла те крупные силы, которые на предыдущем этапе (семью годами ранее) планировалось развернуть к середине 30-х гг. -- в случае возникновения войны.

Итак, Сталин переходил в открытое наступление против левого фланга – остатков партийной демократии, коллективизма и революционного духа с присущими им тенденциями к социальному автономному действию и нестабильностью. Главный удар наносился правым флангом – армейско-патриотическим, воплощавшим сочетание иерархии чинов и дисциплины с национальным единением и традиционным послушанием. Горизонталь номенклатурной семейственности противопоставлялся квази-конституционный легализм вертикали, опирающейся на государственные силовые ведомства. «Фельдмаршал пролетарских сил», которого партия «родила и воспитала... по образу своему и подобию»³⁶, становился отцом народа и вместе с тем европейским государственным деятелем (с 1935 г. Сталин стал встречаться с высокопоставленными иностранцами -- Иденом, Лавалем, Бенешем).

³⁴ Застольные речи Сталина. С. 59-60.

³⁵ Там же. С. 78.

³⁶ Первое определение эпитет принадлежит Бухарину (январь 1934 г.), второе – Сталину (декабрь 1929 г.).

Стратегическая простота и прозрачность замысла были ошибкой Сталина. При такой расстановке сил столкновение получалось лобовым, а возможность подтягивания резервов на правый фланг – крайне ограниченной: ведь именно эти крестьянские «резервы» миллионами «умирали в ожесточенной борьбе» предшествующих лет. Как показали схватки за кулисами августовского процесса 1936 г. старо-левая гвардия была готова сдать позиции и даже подвергнуться истреблению, но лишь при условии, что классовый характер режима, его тоталитарно-революционная сущность – опора на массовый активизм, отрицание буржуазных ценностей, партийность не будут принесены в жертву авторитарной нормализации. Наступление на правом фланге к концу 1936 г. захлебнулось. От Сталина требовалось восстановить в правах значение своего левого фланга, вернуться на классовую почву. Он так и сделал. На февральско-мартовском пленуме 1937 г. Сталин осудил наполеонизм как форму «буржуазного правительства, которое задушило французскую революцию», обещал быть «как Антей» – черпать силы в большевистских массах и бороться с партийной олигархией в общем с ними строю³⁷.

Вторая слабость первоначального замысла коренилась в необеспеченности тыла и опасности открытия второго фронта. Провозглашенные Сталиным солью земли беспартийные вооруженные большевики, свежеепеченные маршалы и командармы проникались сознанием собственной значительности и потенциальной политической роли в будущей войне. Развитие военного аппарата и мобилизационных приготовлений привело к необъявленному вползанию СССР в 1935-1936 г. предмобилизационный период, приближению к рубежу, когда военно-оперативные соображения потребуют выступления «с военной силой против эксплуататорских классов и их государств». Не так ли командование Квантунской операции, организовав манчжурский инцидент, заставило правительство Японии втянуться в войну в Китае? Дурными признаками для Сталина стали открытое оспаривание Тухачевским и Уборевичем главенства наркома Ворошилова на узкой армейской вечеринке 1 мая 1936 г. или «бомбардировка» командующего дальневосточной армии Блюхера, начатая его подчиненными. Не с этого ли начинал генерал Франко? Мятёжное провоцирование армейским руководством войны с внешним врагом становилось для Сталина идеей-фикс, с которой он не расставался до конца дня 22 июня 1941 г.

Несвоевременная наступательная война настолько противоречила основам стратегии и нарушала все расчеты Сталина, настолько грозила поражением и сменой власти, что вести дело к ней могли лишь участники заговора, действующие в интересах врага – одновременно «троцкисты» и «куклы в руках рейхсвера». «Тухачевский и Уборевич просили отпустить в Испанию», но вовлечение в военную авантюру вело к превращению СССР во «вторую Испанию». В общем, с армейским командованием дело оборачивалось так же скверно, как и с партийной олигархией: левизна и самоуправство. Надо «проверять людей... сверху. Командующие округа не Чжан Цзолин, которому отдали округ на откуп... (Голоса. А это было так)»³⁸.

Долгие сталинские приготовления вылились в авангардные схватки, перестроения сил и истерическую активность на собственном левом фланге. Начатое наступление опять получалось большевистским, существо которого, как известно, «состоит прежде всего в том, чтобы мобилизовать классовую бдительность и революционную активность масс против капиталистических элементов нашей страны, мобилизовать творческую самодеятельность и инициативу масс против бюрократизма наших учреждений и организаций, ...выдвинуть новых работников снизу» и проч. Как и в предшествующий период Сталин сделал ставку на – подтягивание резервов в лице партийного унтер-офицерства, противопоставленных партийной, хозяйственной и военной элите.

В отличие от «наступления социализма по всему фронту» репрессии превратились из «вспомогательного элемента» в едва ли не главный. В привлечении НКВД сказались

³⁷ И. Сталин. Доклад и заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(б) 3 и 5 марта 1937 г.

³⁸ И. Сталин. Выступление на расширенном заседании Военного совета при наркомате обороны 2 июня 1937 г. (неправленая стенограмма).

трудность отыскания «капиталистических элементов» силами мобилизованных трудящихся (ввиду связи этих элементов с «иностранный разведкой») и вызванная этим необходимость в «социалистической разведке» (именно так именовал Сталин госбезопасность)³⁹. В необычайно широком использовании государственного инструмента, в обеспечении ему верховенства над партийной элитой проступал и первоначальный замысел Сталина – завершителя революции. Массовый террор, осуществляемый революционным национальным государством – кулацкая, польская, немецкая операции, истребление «подозрительных по троцкизму», соединился с разгромом партийных, хозяйственных и военных кланов. Партия сократилась на четверть миллиона человек и стала «лучше по качеству» (В марте 1953 г. партия отомстит Сталину заявлением, что его смерть прибавила ей единства и сплоченности).

В кампаниях 1937-1938 гг. основной удар пришелся по левому и правому флангом противника и был нанесен левым флангом, усиленным техническими средствами, переброшенными с правого фланга. Сами хаотичность и сложность наступательных действий, сопровождавшиеся немалыми потерями в собственных рядах исключают предположение о том, что операции или даже их общий замысел являлись результатом продуманного сталинского планирования. С другой стороны, изначальные просчеты Сталина, приведшие к хаосу 1936-1938 гг., во многом извинительны. В борьбе за создание основ социализма он располагал «боевым штабом» – верными соратниками в борьбе с троцкистами и правыми. Несколькими годами позже, готовясь открыть огонь по партийным штабам, он мог опираться лишь на немногих доверенных исполнителей, которым он мог доверить только часть своего общего замысла и которые в ходе активных действий выбывали из строя (Радек, Ягода, Ежов). «К сожалению, ошибок оказалось больше, чем можно было предположить», признавал Сталин, обещая впредь «не... пользоваться методом массовой чистки» (речь велась, якобы, об официальной партчистке 1933-1936 гг.). В общем, ни «метод», ни результат его полностью не удовлетворяли. Победа была неполной и куплена дорогой ценой.

Однако Сталину удалось сохранить основное направление наступления и добиться решительного продвижения продвинувшись вперед в создании нового государства – «не виданного еще в истории и значительно отличающегося по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы». Задачами государства второй фазы, вместо развертывания наступлений являлись мирные, позитивные мероприятия: «развернуть дальше подъем нашей промышленности», «развернуть дальше подъем нашего земледелия и животноводства», «продолжать дальше улучшение» положения трудящихся, «неуклонно проводить в жизнь нашу социалистическую Конституцию». Внутренние фронты ликвидировались.

«В итоге всего этого, -- говорил Сталин в марте 1939 г. партийному съезду-- рудименту нового организма, -- мы имеем полную устойчивость внутреннего положения и такую прочность власти в стране, которой могло бы позавидовать любое правительство». Такой же вывод Сталин делал и двадцатью, и десятью годами раньше (в 1919 и 1930 годах). В первом случае, однако, он сравнивал большевистскую власть с западными демократиями, во втором – мерилom служил фашизм Муссолини и авторитаризм Пилсудского. На этот раз Сталин приходил к этому заключению путем сравнения нового государства с национал-социалистической диктатурой. «Догоняя и перегоняя» западные страны по объемам производства, советский строй не позволял им догнать и перегнать себя в создании униформного государства, избавившегося от непримиримых противоречий и сочетающего тотальный контроль с социальной мобилизацией. «Это значит, между прочим, что в случае войны тыл и фронт нашей армии ввиду их однородности и внутреннего единства – будут крепче, чем любой другой стране, о чем следовало бы помнить зарубежным любителям военных столкновений». Государство второй фазы поворачивалось лицом к новой

³⁹ Здесь и далее -- И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г.

стратегической задаче – ликвидации капиталистического окружения и замены его «окружением социалистическим».

Ожидание, исполнение и опровержение (1939-1941 гг.)

Нового мирового конфликта коммунисты ждали как краткой прелюдии к революции, Сталин – как долгой истребительной войны. Первый ее этап должен был состоять в войне между империалистами. Именно такая война, утверждал Сталин в конце лета 1938 г., уже «идет на громадном пространстве от Гибралтара до Шанхая»⁴⁰ В докладе XVIII съезду Сталин уточнил географию и хронологию – «от Шанхая до Гибралтара» (вариант: «от Тяньцзина, Шанхая и Кантона через Абиссинию до Гибралтара»), идет «уже второй год». Мысль о том, что новая империалистическая война уже началась была необычной и трудной для непосвященного, и основную часть международного раздела отчета «ЦК» была посвящена ее обоснованию. «Новая империалистическая война стала фактом», она «неумолима», «ее нельзя скрыть», «война так и осталась войной» и т.п. Трижды Сталин указывал, что в войну вовлечено свыше 500 миллионов человек, избегая, впрочем, указания на то, какое событие он считает рубежом перехода от мира к войне. В этом была важная странность: освещая международное положение СССР и призывая к бдительности, в своем «ответе» комсомольцу Иванову в середине февраля 1938 г. Сталин ничего не сказал о начале войны, которая, следуя его же хронологии, началась, не позже начала марта 1938 г., до аншлюса Австрии. Тезис о начале империалистической войны являлся, таким образом, не констатацией «факта», а заявлением о том, что наступает время обратиться к внешней стратегии, обозначенной Сталиным полутора десятилетиями ранее.

Трудность для Сталина состояла в особенностях новой войны. Во-первых, «вторая империалистическая война» «началась втихомолку, без объявления войны», «как-то незаметно» «для государств и народов», которые «вползли в орбиту второй империалистической войны». Другая ее отличительная черта состояла «пока что в то том, что ее ведут и разворачивают агрессивные державы, в то время как другие державы, «демократические» державы, против которых, собственно, и направлена война, делают вид, что война их не касается, умывают руки, пьются назад, восхваляют свое миролюбие, ругают фашистских агрессоров и... сдают помаленьку свои позиции агрессорам, уверяя при этом, что они готовятся к отпору»⁴¹. Из этого вытекала третья «характерная черта новой империалистической войны» -- «она не стала еще всеобщей, мировой войной»⁴². В общем, сдержанность западных стран разочаровывала Сталина и он искал ей объяснение. В середине 1938 г. он готов был ограничиться квазимарксистским анализом и объяснять пассивность Запада страхом перед двумя союзниками СССР -- «рабочим движением в Европе и национально-освободительным движением в Азии». Спустя полгода Сталин пришел к выводу, что «этой сейчас не единственная и даже не главная причина». «Главная причина» «систематических уступок этих государств агрессорам» «состоит в отказе большинства неагрессивных стран и, прежде всего, Англии и Франции... от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию «нейтралитета»». Неправильно было бы видеть в этом указании тавтологию (причиной невмешательства является невмешательство) или, тем более, банальную констатацию факта. Сталин распространил на всю политику западных стран понятие, относимое лишь к их официальной позиции в отношении испанской войны. Он будто игнорировал вовлечение Англии и Франции в мюнхенское урегулирование, приведшее к обязательствам Гитлера о соблюдении новых границ Германии, что подразумевало и англо-французские гарантии безопасности стран Восточной Европы. В то время как советская пропаганда и дипломатия

⁴⁰ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. Одобрена ЦК ВКП(б). М., 1938. С. 313.

⁴¹ Там же.

⁴² Здесь и далее -- И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде.

боролись против империалистического сговора для развязывания войны против СССР, Сталин настойчиво выдвигал на первый план «факт» империалистической «войны».

Невмешательство Сталин характеризовал по форме и по сути. По форме – «наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами». «На деле... в политике невмешательства сквозит стремление, желание – не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии, впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут – выступить на сцену со свежими силами, выступить конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия». (Ссылка на Китай и «европейские дела» была сделана для отвода глаз: одновременно Сталин разъяснил, что агрессия направлена как раз «против интересов США, Англии и Франции на Дальнем Востоке», «против интересов Англии и Франции в Европе»).

Сталин, таким образом, не оставил сомнений в том, что реальную угрозу СССР представляет не империалистическая агрессия, которая направлена против других империалистов, (хотя, «конечно, вполне возможно, что в Германии имеются сумасшедшие»). Опасность, по Сталину, определялась неправильным поведением Запада, который, вместо того, чтобы придать войне полноценный мировой размах, проводит «политику невмешательства» и таким образом претендует на ту нишу в глобальной расстановке сил, которую приготовила для СССР сталинская стратегия. Именно к своему историческому прогнозу подгонял Сталин обстоятельства международного кризиса конца 30-х гг. Речь марта 1939 г. отличалась от сталинского выступления четырнадцатилетней давности несколькими важными чертами.

Сталин оставил без внимания «союзников» СССР -- рабочий класс капиталистических стран и народов колоний. Трактовка политики как войны сочеталась у Сталина 1920-х гг. с пониманием войны как социального феномена. Теперь она порождала образ зарубежных стран как монолитных государств, в которых общественные структуры и «резервы» полностью контролируются правящим классом, подобно тому, как это произошло в СССР. Такое упрощение большевистской доктрины преодолеvalo ленинское представление о мировой политике как шахматной доске с фигурами, подчиняющимися незыблемым правилам, но обладающими поливалентными возможностями, и сводило стратегию к игре в крестики и нолики. Вместе с тем, невнимание к внешним «прямым резервам» подразумевало уверенность во внутренних резервах, прочности тыла и перспективах мобилизации собственных сил.

Наконец, если речь 1925 г. являлась преимущественно актом сигнификации обозначения (она была адресована нескольким десяткам большевистских руководителей и четверть века оставалась «совершенно секретной»), то доклад Сталина на XVIII съезде по своему существу являлся коммуникативной акцией.

Начатый этой публичной декларацией глубокий маневр, полугодом позже привел к несомненному успеху. Западной политике невмешательства был положен конец. Война была объявлена и стала всеобщей. СССР подписал новый пакт о ненападении с Германией, который в отличие от действовавшего к тому времени Берлинского договора, предусматривал нейтралитет СССР в случае германской агрессии. Вторгаясь в Польшу, советское правительство официально известило мир о своем нейтралитете в мировой войне. Пришло время «загребать жар чужими руками». «И дешево, и мило!» -- восклицал Сталин в начале 1939 г., будто предчувствуя успех собственного невмешательства.

На деле начало подлинной мировой войны во весь рост поставило стратегическую проблему СССР, которую оставляло в стороне первоначальная, метафоричная формулировка сталинского стратегического кредо -- «выступить последними... для того, чтобы бросить решающую гирию на чашку весов». Имел ли Сталин в виду весы истории, колеблющиеся между прогрессом и реакцией? Во всяком случае, к 1939 г. этот образ выродился в картину

двух воюющих империалистических блоков. На какую чашу весов империалистической войны должен бросить свой вес СССР? Будь высшей стратегической задачей Сталина сохранение мира, поддержание мирового равновесия, ему следовало, на традиционный британский манер, выступить на стороне слабейшего участника борьбы с целью сохранить европейское и мировое равновесие. Однако стратегия уничтожения старого мира отрицала конвенциональную мудрость поддержания равновесия и защиты слабейшего, этой стратегии гораздо лучше соответствовало примитивное нищестановление -- «падающего подтолкни». В условиях быстрой победы Германии на западе и установления ее гегемонии на континенте сталинская стратегия требовала поэтому партнерства с державами Тройственного союза. Инструкции Сталина к берлинским переговорам ноября 1940 г. не оставляют сомнений на этот счет. Присоединение к победителю в расчете на его новые милости отдавало собственное государство на милость победителя. Такой образ действий было невозможно совместить с установкой на то, что брошенная собственная гиря непременно перевесит. Выбор момента уже ничего не решал. Об этом ли думал Сталин, резонерствуя в начале 1939 г.? -- «Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т.п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые прожженные буржуазные дипломаты. Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом».

Сталинская стратегия опровергла себя вместе со всеми своими предпосылками, калькуляциями и предостережениями, адресованным другим. Эта стратегия завела Советский Союз в тупик, из которого его вывели Гитлер, напав на СССР, и Черчилль, немедленно заявив о поддержке СССР). В действиях этих эмблематических фигур и в поведении стоявших за ними сил сказались социальная сложность мира, действительная динамика человеческой истории, которые придали войне с фашизмом смысл борьбы за спасение цивилизации. Главной социальной функцией сталинской стратегии, основанной на приравнивании политики к неограниченной войне и элиминированию морали, напротив, оказались вызывание и раздувание мировой войны, паралич политической воли и военная катастрофа.